К тому же, во время сражения даже одно неожиданное действие может иметь серьёзные последствия.

— У моего суждения есть две причины. Во-первых, хотя стремление выстроить боевой порядок заслуживает похвалы, в нём нет смысла, если вы не обеспечите себе победу. Я полагал, что для победы нам нужна поддержка вышестоящих офицеров. Во-вторых, я подумал, что это может быть ловушка, в которой командиры армии Франсуа и Республики намеренно показали свои слабости, чтобы заманить наши силы в ловушку. Трудно оценить ситуацию в армии в целом с точки зрения одного батальона.

В реальных крупномасштабных сражениях обычной стратегией было намеренно заставить небольшое подразделение отступить, заманить противника в атаку, а затем контратаковать.

Как я уже говорил, во время продолжающегося напряжённого сражения одно подразделение может намеренно казаться уязвимым, чтобы привлечь жадных командиров среднего ранга. После этого противник мог медленно подавлять самоуверенное подразделение, добиваясь победы.

Интервьюер, который всего несколько минут назад стремился закончить интервью как можно быстрее, теперь выглядел искренне потрясённым.

Вероятно, он не ожидал подобного ответа от такого человека, как я.

Должен признать, мне было весьма приятно наблюдать за его реакцией.

— Я понимаю ваши рассуждения. Тогда последний вопрос. Если бы вы были командиром и получили запрос о поддержке в такой ситуации, что бы вы сделали?

Поразмыслив немного, я дал свой лучший ответ.

— Я бы мобилизовал подразделения лучников и магов в тылу для поддержки батальона, который запросил помощь. Кроме того, я бы направил половину резервных сил в качестве подкрепления. Предвидя, что враг также срочно задействует пехоту, чтобы предотвратить крупный прорыв, я бы использовал рыцарей для обхода с фланга и задержки вражеского подкрепления, нанося больший урон.

Выслушав мой ответ, интервьюер, который теперь звучал гораздо дружелюбнее, чем в начале нашего разговора, сказал:

— Понятно. Время собеседования истекло. Вы можете идти. Надеюсь, в следующий раз мы увидимся с вами в качестве студента, общающегося с преподавателями Академии.

Возможно, это обычные слова для интервьюеров, но, учитывая моё прошлое, произнести их

было нелегко. Казалось, это намекало на положительный исход, возможно, даже на признание.

Я искренне надеялся, что это означало, что я сдал экзамен.

Нет, я был уверен, что сдал.

Затем, как и при входе, я отдал честь и вышел из комнаты с надлежащей осанкой.

Выходя за дверь, я почувствовал, как моё сердце сжимается от беспокойства из-за необходимости сдать экзамен, когда я впервые пришёл на собеседование, но чувство облегчения охватило меня при мысли о том, что я прекрасно завершил собеседование.

Интервьюер, лейтенант Ганс Вебер, который только что закончил опрос кандидата номер семнадцать, пробормотал с удивлением в голосе.

— Когда Подполковник поручил мне провести собеседование в Академии, я подумал, что это будет утомительно, и, честно говоря, не ожидал многого. Я намеревался просто выполнить формальности. Особенно после того, как я увидел, какие плачевные результаты у этого выскочки-сироты по таким предметам, как Имперская история и социология. Я увидел, с какой дерзостью он подал заявление, не имея ни малейшего представления о предмете. Моим намерением было сделать ему выговор, опозорить его, а затем дисквалифицировать.

И это было понятно. Дело в том, что даже если главной обязанностью командира было сражаться и побеждать, к офицеру относились как к дворянину, и, следовательно, он должен был обладать знаниями и утончённостью, соответствующими этому званию.

От будущих офицеров или курсантов Академии также ожидалось, что они будут обладать подобными качествами. А если кто-то провалит тест, предназначенный для предварительной проверки этих знаний?

Было бы уместно дисквалифицировать их, чтобы сохранить достоинство Империи Рейх.

Лейтенант Ганс Вебер вспоминал, как кандидат номер семнадцать, а точнее, Петер, ответил с такой уверенностью.

Мог ли офицер, воспитанный в благородной семье и окончивший Академию, ответить так чётко и решительно?

Лейтенант Ганс, чей интеллект ставил его в число двух процентов лучших студентов Академии по карьерному росту, ответил сам себе.

— Если только они не являются исключительными вундеркиндами или, скорее, гениями,

которые встречаются один на миллион, они не смогли бы дать столь быстрый и глубокий ответ.

Учитывая то, что Питер был сиротой, до получения военного образования в Академии он, как простой солдат, был знаком только с основами военной терминологии.

— Если бы этот мальчик не был гением, выработать такую стратегическую перспективу было бы невозможно.

И как дворянин и военачальник Империи, Ганс считал несправедливым лишать такого гения возможности поступить в Академию лишь потому, что он был сиротой и не имел соответствующего образования.

Более того, сама система была создана с намерением, чтобы...

— Если среди простых людей есть люди, обладающие большими амбициями и гениальным талантом, им следует предоставить возможность для развития Империи.

Ганс считал, что это является прочной основой для приёма такого гения, как Питер, в Академию.

С этими мыслями Лейтенант Ганс написал в «специальных комментариях для интервьюируемого»:

[Несмотря на то, что он сирота из народа, если ему представится такая возможность, он станет важным помощником Его Величества Императора. Я считаю, что он абсолютно заслуживает шанса. Оценка собеседования: 100/100.]

<http://tl.rulate.ru/book/100046/4291140>